

О. А. Шиян

Как дошкольники разрешают противоречивые социальные ситуации?

Чему должен научиться ребенок в детском саду? Самый простой ответ – «читать и считать, чтобы потом было легче привыкать к школе» – себя не оправдывает. Каждый возраст имеет свою ценность и жалко не проживать его, а «готовиться к будущему». Но дело не только в этом, но и в том, что такая «подготовка» плохо готовит к школе. Доказано, что реальная готовность к учебной деятельности рождается в игре, решении наглядно-образных задач и т.д. Другими словами, содержанием образования должны стать не столько конкретные умения, сколько развитие *способностей*, то есть обобщенных способов действия в разных, в том числе и новых ситуациях.

Шиян Ольга Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии развития факультета социальной психологии МГППУ

Особое место в жизни ребенка занимают ситуации взаимодействия с другим человеком. В современном мире умение выстраивать отношения с партнерами, работать в команде или организовывать команду часто определяет успешность. Речь идет не о послушании и готовности следовать групповым нормам: востребованы именно инициативные действия, но при этом позволяющие человеку быть принятым группой. Кстати, при поступлении в американский университет учитываются не только академические успехи абитуриента, но и социальная активность в школьные годы: был ли он членом спортивной команды, волонтером в социально значимых проектах и т.д.: считается, что это опосредованным образом говорит о готовности человека быть хорошим партнером, например в бизнесе.

Образовательная программа для дошкольников должна развивать способность детей к взаимодействию, а не только мышление, произвольность, воображение. Часто в обучении маленьких детей акцент делается именно на познавательные процессы; при этом подразумевается, что ребенок и так погружен в стихию общения, отношений с друзьями и недругами, и способность к конструктивному взаимодействию неизбежно формируется сама собой.

Влияет ли воспитатель на отношение детей друг к другу – ведь взрослые с завидным постоянством напоминают о правилах поведения, о том, что надо делиться, дружить, не обижать и т.п. Дети слышат эти мудрые по-

Образовательная программа для дошкольников должна включать в себя развитие способности детей к взаимодействию, а не только развитие мышления, произвольности, воображения.

учения с избытком, но учитывают ли предьявляемые нормы реальную сложность жизни ребенка в группе или отношений со взрослыми? Приведу «взрослую» аналогию. На второй волне популярности работ доктора Б. Спока в России (т.е. в конце 80-х – начале 90-х годов XX века) вышло огромное количество книг о необходимости «гуманного отношения к детям». Их появление было знаком того, что маятник «качнулся в другую сторону», и неэффективность авторитарной педагогики стала очевидной для широких масс. Однако при

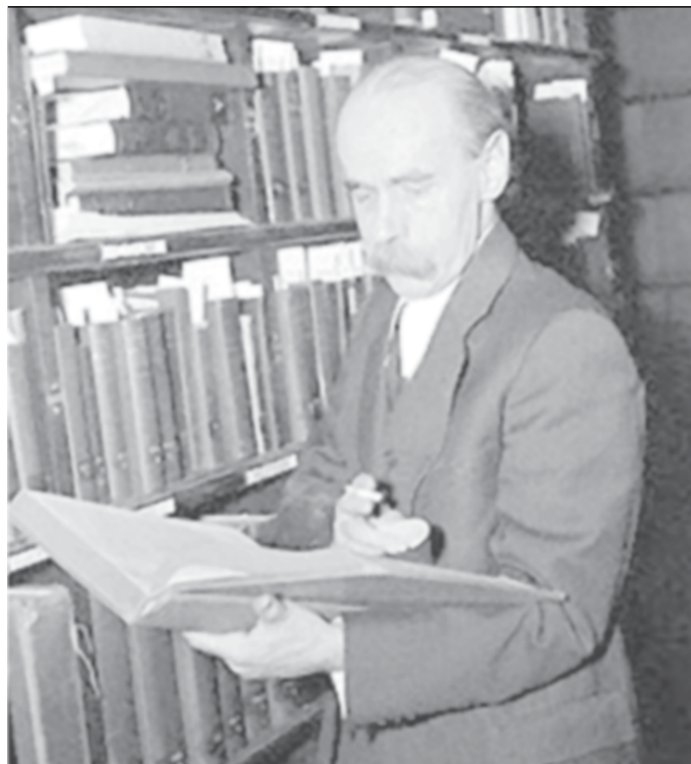

чтении этих книг возникало впечатление, что авторы очень давно не общались с детьми: настолько абстрактно и нежизненно звучали призывы «уважать мнение ребенка», «бережно относиться к его индивидуальности» и т. д. Абстрактно – так как подобные благие советы не учитывали реальную сложность ситуации: детские желания часто бывают незрелыми или даже разрушительными, без активных усилий со стороны взрослого в ребенке не прорастут многие культурные способности. Я вовсе не хочу противопоставить уважение к ребенку задачам его воспитания, напротив, я хочу подчеркнуть, что реальная задача педагога – *сложная*: надо сделать так, чтобы ребенок менялся, но при этом оставался собой, чтобы при овладении нормами его уникальные черты не сглаживались, а именно приобретали «необщее выражение».

Можно сказать, что мы часто предлагаем детям муляж нравочений вместо инструмента решения задач, возникающих в ходе взаимодействия. Слово «задача» может насторожить читателя: часто самыми важными для успешного взаимодействия с другим человеком признаются не рациональные, а эмоциональные характеристики, например, чуткость к проявлениям эмоций другого человека (эмпатия). Однако противопоставление это (эмоциональное – рациональное) кажется нам искусственным: эмоции – это только знак успешности или неуспешности некоторого действия.

Многие великие психологи рассматривали социальную жизнь именно как решение задач. Показательный пример можно найти в книге Макса Вертгеймера «Продуктивное мышление», где есть любопытная глава под скучным названием «Девушка описывает свою контору». Автор пишет об одной своей знакомой, которая, пытаясь рассказать о структуре отношений в офисе, разворачивала ситуацию таким образом, будто она являлась центром этого маленького конторского мира (в то время как на самом деле ее позиция была достаточно скромной). С точки зрения Вертгеймера, такой эгоцентрический рассказ – это как раз и есть следствие ее непонимания ситуации: в данном случае – структуры отношений в производственной группе. Закономерен финал истории: девушку вскоре уволили с работы, т. е. неспособность видеть структуру ситуации мешает человеку в социальной жизни.

Кстати, понятие эгоцентризма швейцарский психолог Жан Пиаже ввел именно для

Макс Вертгеймер

того, чтобы обозначить интеллектуальную неспособность понять позицию другого, а не как синоним эгоизма и бессердечия. Если продолжить эту тему, напротив, кажущееся бессердечие, т. е. эмоциональный дефект, вполне может быть оборотной стороной такой интеллектуальной недостаточности. Грубость продавца или клерка, рассерженного «бестолковостью» покупателя или клиента, является именно дефицитом интеллектуальной децентрации – способности увидеть ситуацию с позиции своего партнера (так человек, едущий в переполненном вагоне метро, может возмущаться – куда все едут в то время, когда должны быть на работе).

Жан Пиаже считал, что даже сфера моральных суждений – то есть представлений о справедливости в отношениях между людьми – есть проявление развития интеллекта, т. е. решения задачи. В частности, он исследовал те основания, по которым дети считают, что нужно выполнять предъявляемые взрослыми правила (например, говорить правду, выполнять поручения и т. д.). Оказалось, что маленькие дети (6–7 лет) чаще всего исходят из того, что требования взрослого по определению авторитетны, им надо следовать, потому что «так надо». А вот дети постарше начинают понимать

Жан Пиаже

осмысленность нормы, ее необходимость для социальной жизни: нельзя бить окна не потому, что отругают взрослые, а потому что в комнате с разбитым стеклом холодно и неудобно; надо делиться с другом потому, что и он с тобой тоже когда-нибудь поделится. Другими словами, более развитые представления о справедливости требуют понимания того, что позиции партнеров в общении равноправны, т.е. опять же преодоления эгоцентризма.

В ходе исследований Пиаже обнаружил, что представления о справедливости не привязаны жестко к возрасту: и среди шестилеток есть дети, способные понять смысл норм, а среди подростков – те, которые его не понимают. Для Пиаже связь интеллектуального и нравственного развития не была однозначной: он отмечал, что децентрации, т.е. тонкого понимания позиции другого (в частности, ее слабых мест), требует и такое гнусное поведение, как шантаж. Но в целом роль интеллекта в социальном взаимодействии для Пиаже была очевидной: ведь он определил интеллект как адаптивную способность, т.е. способность, позволяющую человеку находиться, пользуясь его терминологией, «в равновесии» с ситуацией.

Существует предположение, что Пиаже описал не весь спектр задач, которые возни-

кают в социальной жизни: часто от нас требуется не просто понимание позиции партнера (хотя и это совсем не просто), но поиска выхода из *противоречивых* ситуаций. В социальной жизни человека нередко возникают моменты, когда его собственные интересы оказываются противоположными интересам другого или существующей норме, но механически игнорировать их невозможно по каким-либо причинам: этот человек тебе дорог, и садиться в тюрьму (или – возьмем менее экстремальный вариант – лишаться работы) ты из-за безумия нормы не собираешься. В таком случае прямое следование своим интересам чревато общественными санкциями, а отказ от них – потерей собственного достоинства.

Вот невыдуманная история, рассказанная Сергеем Довлатовым в одной из книг. В советские времена один из его друзей занимал высокий пост и при этом (случалось и такое) был поддиссидентски настроен к советской власти. По рангу ему полагалось иметь в кабинете портрет Ленина, что душе его было противно. Отец его работал актером в провинциальном театре, и однажды ему довелось сыграть роль Ленина. Этот человек повесил в кабинете портрет отца в гриме Ленина, избежав таким образом и измены убеждениям, и угрозы увольнения.

Другая история носит еще более драматичный характер: она связана с судьбой одного из величайших русских философов XX века, Алексея Федоровича Лосева, в 30-х годах от-

Исследования Пиаже показали, что представления о справедливости не жестко привязаны к возрасту: и среди шестилеток обнаруживаются дети, способные понять смысл норм, а среди подростков – те, которые его не понимают.

правленного на стройку Беломорканала в качестве заключенного. Эти годы отражены в нескольких художественных текстах, которые поначалу производят на читателя очень странное впечатление. Дело в том, что в них отражены дискуссии тех лет, и лирический герой Лосева занимает радикальную позицию, предлагая запретить искусство и всех профессоров консерватории (а именно профессором консерватории был Лосев до ареста) отправить

рыть каналы. На самом деле таким образом А. Ф. Лосев решал вставшую перед ним серьезную социальную задачу. Для людей такого типа перестать думать и писать равносильно смерти, к тому же материалы для размышлений и темы для письма появлялись еще и в ходе многочисленных дискуссий (во временах Беломорканала тогда собиралось элитное интеллигентное общество – инженеры, музыканты, профессора). Несмотря на сходство положения, единомыслия в рядах спорщиков не наблюдалось: некоторые были искренне убеждены, что их арест – болезнь роста молодого государства, другие были не менее искренними стукачами. В этой ситуации занимать принципиальную позицию в дискуссии (а тем более в дневниковых записях) было опасно, а не занимать – противно. Так вот, тексты А. Ф. Лосева о лагерных дискуссиях – это блистательный пример диалектического решения социальной задачи: он воспользовался тем, что позиция оппонентов (сторонников советской власти) была по определению логи-

чески уязвимой, и выбрал такую тактику: он отстаивал именно эту точку зрения, но с логической последовательностью ученого, т. е. доводя ее до абсурда. Подчеркнем, что это была не игра словами, а абсолютно честное разворачивание тезисов коммунистов: если быть последовательными, надо во имя торжества идей классовой справедливости не тратить время на пустые звуки (т. е. на музыку), а оставить, например, только марши, помогающие работе, а всю интеллигенцию отправить на великие стройки. Таким образом появились удивительные лосевские тексты, в которых речь в защиту советской власти превратилась в едкую иронию в ее адрес.

В обоих приведенных примерах личному убеждению противостоит государственная норма, но структура *повседневных* социальных задач этого типа принципиально та же: только продуктивное разрешение противоречий позволяет оставаться верным себе и одновременно быть включенным в сообщество, не лишиться работы, не потерять друга и т. д.

Пиаже задавал детям такой вопрос: если твой друг совершил запрещенное действие, стоит ли выдавать его взрослому или нет? Более «продвинутым», т. е. свидетельствующим о развитии моральных суждений ребенка, считалось решение в пользу друга, а не в пользу взрослого. Однако в реальности ситуация выглядит жестче – если ты действительно считаешь, что правило нарушать нельзя, то оказываешься перед серьезной проблемой: как одновременно не потерять друга, но и не покривить душой. Уверена, многим взрослым не раз приходилось сталкиваться с подобными проблемами. Как сообщить коллеге о сделанной им профессиональной ошибке, но при этом не «пристроиться сверху», не утратить доверия, не разрушить партнерских отношений? Как расставить акценты в статье, которую собираешься разместить в журнале научного оппонента? Вопросы можно задавать до бесконечности.

Создается впечатление, что речь идет о двух типах социальных задач: *направленных на установление правил в ситуации и на снятие противоречий, возникающих, напри-*

мер, между интересами человека и правилом. Рассмотрим пример, который ярко иллюстрирует эту противоположность. Макс Вертгеймер в «Продуктивном мышлении» описывает игру двух мальчиков в бадминтон. Один играет очень слабо, а другой – очень хорошо, что делает игру неинтересной. Заметим, что уже само появление такой проблемы означает значительный шаг в социальном развитии: оба игрока понимают суть игры – *необходимость одновременно действовать за себя и против другого.* Исследования Жана Пиаже, а позднее Е.Е. Кравцовой ясно продемонстрировали, что понимание этого правила не дано ребенку изначально, а появляется на некотором уровне развития (вспомните, как трудно научить пяти-шестилетнего ребенка игре в морской бой, как сложно ему пытаться одновременно скрывать свои корабли и охотиться за чужими). В случае, описанном Вертгеймером, понимания этого правила оказывается мало: в противоречии приходит сама норма игры и невозможность ей следовать в конкретной ситуации. Выход, который находят мальчики, очень любопытен: они решают изменить цель игры: чем дольше воланчик продержится в воздухе и не упадет, тем успешнее идет игра. В этом случае дети сохранили соревновательную суть игры, но теперь они вместе сражались «против воланчика».

Таким образом, существует особый тип социальных ситуаций, в которых человек сталкивается не просто с необходимостью понимания правила, но и с разрешением противоречия. Н.Е. Веракса ввел в научное пространство понятие «диалектическое мышление», позволяющее отграничить способность устанавливать правила (т. е. следовать «формальной логике») и способность действовать в ситуации противоположных правил (т. е. следовать логике диалектической). В социальной сфере тоже можно выделить два типа задач: формально-логические и диалектические.

Может возникнуть вопрос: а доступны ли детям сложные творческие задачи? Жан Пиаже обнаружил такое свойство мышления дошкольников, как «нечувствительность к противоречиям»: дети могут делать заявления противоположного характера, совсем не замечая этого. Однако исследования мышления дошкольников, проведенные Н.Е. Вераксой и его коллегами, говорят о том, что у детей пяти-шести лет обнаруживается удивительное свойство: они осваивают

отношения противоположности и учатся решать противоречивые ситуации: предлагают интересные ответы на вопросы типа «что может быть одновременно и черным, и белым, и большим, и маленьким, и тем же самым, и другим». (Взрослые зачастую утрачивают эту гармоничность развития двух линий мышления: в ходе школьного обучения формально-логическое мышление всячески возвращается, а вот диалектическое – как способность решать творческие задачи, напротив, практически не востребовано и часто угасает).

Общение дошкольника со сверстниками также насыщено задачами, требующими баланса личного интереса и интересов другого, учета противоположных позиций. Даже удивительно, насколько отличается эта сложная реальность от убогих текстов о дружбе, которые принято читать детям. Кстати, настоящая детская литература населена довольно странными с точки зрения прямолинейной морали героями, которые как раз и сотканы из противоположностей (они трусливы и храбры, щедры и жадны) и которым приходится искать выход из противоречивых ситуаций, что делает их привлекательными для детей.

Чтобы проверить, способны ли дошкольники разрешать противоречивые социальные ситуации, мы провели пилотное (т.е. пробное, на небольшом числе испытуемых) исследование.

Исследование было разработано и проведено Н. Чудиной. Детям предлагались две проблемные конфликтные ситуации.

Ситуация № 1.

Мальчик на улице нашел несчастного чумазого щенка и решил его приютить. Но, когда он пришел домой, мама сказала, что она против того, чтобы собака жила у них, так как она грязная.

Ситуация № 2.

Мальчик Миша взял без спроса машинку у девочки, которая не хотела ее никому давать, а его лучший друг Вася это видел. Девочка заметила, что машинки нет и пожаловалась воспитателю. Воспитатель пообещала наказать всех детей в группе, если машинку не вернут. Что теперь делать Васе?

В каждой ситуации есть противоположные позиции (в первой – они заданы в межличностном плане, во второй – это противоположность разных норм у одного человека (быть честным и выдать друга или солгать, но друга не выдавать)).

Перед нами стояли следующие задачи:

1. Определить, способны ли дети к пониманию того, что в реальных ситуациях люди, выражающие противоположные мнения, могут быть одновременно правы¹.

Жан Пиаже обнаружил такое свойство мышления дошкольников, как «нечувствительность к противоречиям»: дети могут делать заявления противоположного характера, совсем не замечая этого.

2. Выяснить, каким образом можно зафиксировать для детей противоположность позиций.

3. Определить, способны ли дошкольники не только увидеть, признать правомерность существования противоположных позиций, но и совершить в такой ситуации диалектические действия объединения (признав наличие противоположностей в ситуации)

¹ Здесь надо сделать пояснение. Слово «правы» тут условно: ведь «правота», по сути, означает правильное решение задачи. Но в том-то и дело, что участники правы абстрактно, каждый для себя, но в **новой реальной** ситуации, где есть противоборство точек зрения, как раз и возникает задача, для которой отдельные решения каждой из сторон уже не подходят.

и опосредствования (найдя решение, удерживающее обе противоположности).

В ходе обсуждения проблемных ситуаций с детьми выяснилось:

- во-первых, детям довольно трудно удержать равноправие противоположных позиций в подобных ситуациях, поначалу они дружно принимают в конфликте сторону взрослого, выдавая целую серию «моральных суждений» о том, почему мама всегда права;

- во-вторых, дошкольники высказывают противоположные точки зрения, но совершенно не замечают того, что они противоречат друг другу: общего пространства обсуждения, в котором противоположность позиций стала бы заметной, не возникает, так как дети обращаются исключительно ко взрослому, не замечая реплик сверстников;

- в-третьих, когда взрослому удается убедить их в справедливости противоположной позиции, наблюдается то, что Жан Пиаже назвал «нечувствительностью к противоречию»: они как будто полностью забывают, что только что утверждали нечто противоположное, и соглашаются с новым суждением.

Дошкольники высказывают противоположные точки зрения, но совершенно не замечают того, что они противоречат друг другу.

На основании этого опыта выбрали такую стратегию, которая позволила бы детям уловить противоречие в ситуации: психолог, проводивший занятие в группе, акцентировал внимание детей на справедливости обеих позиций. Он старался, чтобы дети заметили разницу в высказываниях участников дискуссии. Когда ребенок менял собственную точку зрения, педагог напоминал ему: только что он говорил обратное. После фиксации противоположных позиций детям предлагалось найти выход из обозначившейся противоречивой ситуации.

Оказалось, что в таких условиях действительно часть детей способна обнаружить противоречивую социальную ситуацию и прийти к выводу, что обе противоположные позиции имеют право на существование. Другими словами, дети могут совершить объединение, сделав вывод о том, что правы оба – «и мальчик, и мама». Интересно то, что

это заключение прозвучало на занятии дважды. В первый раз оно было высказано ребенком в начале дискуссии, но он довольно скоро от него отказался и опять принял сторону мамы. А во второй раз признание правоты обеих позиций прозвучало уже после того, как психолог обратил внимание детей на правоту двух шестилетних участниц, доводы каждой из которых выглядели убедительными. Когда вслед за этим еще раз был задан вопрос, «кто же прав, мальчик или мама», последовал любопытный ответ: «Если девочки могли быть обе правы, то и мальчик с мамой могли быть оба правы».

После фиксации противоположностей дети предложили несколько вариантов выхода из ситуации, которые действительно снимали противоречие. Например, в первой ситуации были даны такие ответы, как «поселить щенка на даче», «построить конуру во дворе: тогда он останется и с мальчиком, и не будет жить дома», «научить его носить маме тапочки, чтобы она с ним подружилась». В последнем случае фактически было предложено решение, при котором позиция превращается в противоположную, и мама становится из врага собаки ее другом. При обсуждении второй ситуации было предложено «самому тайно вернуть эту машинку на место» и «угговорить друга вернуть ее».

По итогам пилотного исследования можно сделать следующие выводы. Во-первых, как и при исследовании собственно диалектического мышления, дети демонстрируют способность разрешать противоречивые ситуации. Во-вторых, можно выделить и особенность диалектических социальных задач: при их решении детям существенно сложнее признать противоположность (т.е. равноправность) равных позиций, так как на этом уровне развития моральных суждений ребенку более весомой кажется позиция взрослого.

Проведенные занятия позволяют сделать вывод, что предпосылкой выделения противоположностей в социальных задачах является групповое обсуждение, в ходе которого противоположные позиции могут быть представлены в интерактивном плане. Другими словами, решение противоречивых социальных задач лежит в зоне ближайшего развития детей старшего дошкольного возраста, однако для того, чтобы эта способность получила развитие, необходимо построение специальной образовательной программы. ■